

НАША СТРАНА

36-ой год издания, Буэнос Айрес, суббота 14 января 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 14 de enero de 1984 No. 1747

«ФЕВРАЛЬ ПОВТОРЯЕТСЯ ВСЕМ МИРОМ»

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ ВЗЯТОЕ У АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА ПИСАТЕЛЕМ МАЛЬКОЛЬМОМ МАГЭРИДЖ ДЛЯ БИ-БИ-СИ

— Когда были опубликованы ваши три книги о ГУЛаге, они произвели огромное впечатление на общественность. Но мне кажется, большинство людей считает, что ГУЛаг отошел в прошлое, конечно с этим. По-моему, вовсе не кончено, и то, что происходит раньше, происходит и сейчас. В конце концов, глава Госбезопасности даже стал теперь главой государства.

— У нас в Советском Союзе книга об Архипелаге ГУЛаг воспринимается как книга о сегодняшнем дне. Когда казалось, что может быть, Архипелаг ГУЛаг начнет исчезать. И то — момент этот был очень короткий и обманчивый. Архипелаг ГУЛаг продолжается в сегодняшнем Советском Союзе. В смысле жестокости он не изменился. Перешел в другие формы жестокости. А вот в смысле объема — Архипелаг все же уменьшился. Если раньше Архипелаг ГУЛаг доходил, бывало, до 15-20 миллионов одновременно, то сейчас, например, по оценкам Государственного Департамента Соединенных Штатов, он составляет 4 миллиона, а по данным эмигрантских организаций, которые рассчитывают количество лагерных пунктов, населения Архипелага между 5 и 6 миллионами. Что дало возможность снизить число жителей Архипелага? Не добросердечие руководителей СССР, но то, что Сталин в свое время взят огромный запас ужаса, он уничтожал людей далеко за пределами того, что ему нужно было практически. И это создало инерцию ужаса, так что теперь достаточно небольшого давления, которое сразу дает значительный эффект в людском ощущении. Еще некоторое время инерция эта будет продолжаться.

— Верно ли, что та неоплачиваемая рабочая сила, которую используют советские власти в ГУЛаге, является для них необходимой?

— Она всегда, но особенно в таких местах и на таких работах, на которые почти невозможно нанять никого. Ну например, всякая работа с радиоактивными веществами, где не применяют никакой защиты организма. Во многих местах и добыча радиоактивных веществ, и очистка, например, радиоактивных частей подводных лодок, проводится с помощью труда заключенных, которые умирают за несколько месяцев. В таких случаях организовано так, что охрана, привезя заключенных, уходит за защитные бетонные стены, или отъезжает на расстояние.

— Можно ли себе представить, что эта страшная вещь, это гулаговское насилие могло бы быть изгнано из советской жизни?

— Видите, не один ГУЛаг выражает всю насильственную природу коммунистического тоталитаризма. Это только крайняя степень его насилия. Но существует целая градация насилий. Ваш вопрос следует так понять: возможен ли коммунистиче-

ский тоталитаризм без насилия? Ни одного дня.

— И в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки огромные массы атомного оружия. Возможно ли себе представить, что не дойдет до ядерного конфликта?

— Я почему-то даже уверен, что ядерной войны не будет. Тут могут быть разные комбинации и обоснования, почему не произойдет это в одном, в другом, в третьем варианте. Если бы Запад после 1945 не сдал опору ядерный зонтик своей главной опорой, если бы Запад после 45-го года не распустил всю свою оборону, и военнообязанных, но сохранял бы обыкновенную человеческую силу, то сегодня вообще не стояла бы опасность ядерной войны. Я не буду перебирать всех возможных вариантов, но один укажу — очень мрачный. Вариант, который подводит итог десятилетиям уступок и капитуляций. Одна из возможностей, почему не будет ядерной войны: Запад упустил ядерное равновесие и упустил равновесие в обычных силах, и слабо подготовлен к разложению изнутри, — так что для коммунистических правителей остается много путей и без ядерной войны.

— Я старый журналист, я уже больше пятидесяти лет работаю журналистом. И ко мне часто обращаются с вопросом: какое событие я считаю самым значительным в наше время? И я отвечаю, что самое значительное, что произошло за те пятьдесят лет, что я пишу, — это возрождение христианской веры, и именно в том месте, где можно было считать ее угасшей. Можно ли сказать, что усилие коммунистической власти раздавить, уничтожить всякую веру — фактически потерпели крах?

— За прошедшие 5-6 десятилетий мы видим во многих направлениях и во многих местах земли — только победы и победы коммунизма. Правда, победы и победы коммунизма. Правда, не оздоравливающие, не экономические, а победы чисто военного характера. Сигнал к наступлению на христианство дали Ленин и Троцкий, в самом начале своего господства. С тех пор прошло шестьдесят лет. Брошены были все силы чекистского аппарата, политической тайной полиции, уничтожали миллионы христиан, носителей религии. Истрачены миллионы часов пропаганды на то, чтобы выжечь религию из сознания, не допустить к ней детей. И тем не менее мы видим сегодня, что в нашей стране коммунизм не победил христианства. Христианство потерпело большой упадок, но сейчас действительно стало усиливаться и укрепляться. И это самый обнадеживающий знак, который относится не только к нашей стране, но ко всему миру. Пока мы не видим конца военным победам коммунизма, такое впечатление, что тень коммунизма все больше и больше наползает на землю. Я сравнил бы это с солнечным затмением, только при солнечном затмении затемняется

небольшая часть земли, а от коммунизма затмилось уже полземли, а может будет три четверти. Но именно потому, что коммунизм показал уже свою слабость уничтожить христианство, мы можем надеяться, что эта тень будет постепенно с земли сходиться, и может быть даже раньше будет очищать те страны, которые она раньше покрывала тенью.

— Я вспоминаю сейчас, как два-три года назад я был в Советском Союзе, по поводу столетия со дня смерти Достоевского и в связи с этим я перечитал его Пушкинскую речь. И вот я оказался на московской улице, и цитировал слова, по-английски, конечно, из Пушкинской речи Достоевского — о том, что Дух Христов восторжествует против всех врагов его, именно в России.

— Поразительно, что Достоевский это видел за сто лет вперед.

— И не только это. Именно Достоевский почувал, что все произойдет из беса либерализма.

— Мы с вами можем видеть то, что уже стало зримым во многих местах Земли. Но как он увидел то, что еще только зарождалось, и чего еще не было нигде на Земле? Наблюдая современность, мы то и дело возвращаемся к Достоевскому и поражаемся его предвидениям.

— Я не могу не согласиться. А ведь все знают, что Достоевский в СССР был в опале, его нельзя было читать.

— О, еще как! Его в мое время совершенно не было в школе. Среди писателей такого имени не было.

— Но теперь они еще снова восстановили, и меня поражает эта совершенно феноменальная идеологическая акробатика. Теперь нас стараются уверить, что Достоевский как-то таинственным образом продолжает идеологию Маркса; и будто бы Ленин его хвалил.

— Нет пределов акробатике марксизма. Не только Достоевского они записали уже в свои единомышленники, но, уничтожая христианство, они готовы и Иисуса Христа записать себе. В СССР совершенно серьезно доказывается в атеистической и политической литературе, что именно лучшее что есть в христианстве, — христианство осуществить не может, а наследует и практикует марксизм.

— В Восточной Германии праздновали 500-летие Лютера. И при этом утверждали, что именно Лютер начал дело Ленина.

— Но я больше вам скажу: дело не ограничивается только коммунистическими странами, но этот фокус, это мошенничество распространяется на весь мир, потому что социалисты то и дело приписывают себе христианские доблести. Социализм на самом деле совершенно противоположен христианству. Христианство основано только на доброй воле, а социализм основан только на насилии, хотя бы и мягком. Но тем не менее социализм себя все время примазывает к христианству и ис-

пользует его.

— Я хочу задать личный вопрос: вы надеетесь когда-нибудь вернуться в Россию?

— Знаете, странным образом, я не только надеюсь, я внутренне в этом убежден. Я просто живу в этом ощущении: что обязательно я вернусь при жизни. При этом я имею в виду физическое возвращение живым человеком, а не книгами, книги-то конечно вернутся. Это противоречит всяким разумным рассуждениям, я не могу сказать: по каким-то объективным причинам это может быть, раз я уже не молодой человек. Но ведь и часто история идет до такой степени неожиданно, что мы самых простых вещей не можем предвидеть.

— Ото всей души надеюсь, что это исполнится. Меня уже скоро не будет, но если я смогу откуда-то наблюдать, я буду радоваться без конца.

Дорогой господин Солженицын, вы уже давно на Западе живете, вы нам сказали, как вы рассматриваете положение в мире, и в основном я вполне согласен с вами. Считаете ли вы, что Западу суждено быть захваченным военной силой коммунизма? Или податься полностью разложению христианской цивилизации?

— И та и другая угроза сейчас очень высоки. Прямо угрозой коммунизма на Западе весьма возможно. А может быть, Западу будет дано развиваться в себе еще какое-то количество десятилетий. Но если Запад не найдет в себе духовных сил, не возвысится духовно, — да, христианская цивилизация развалится. Последние два-три столетия все идет в этом направлении. Мы теми же самыми именами называем европейские страны — Англия, Франция, Германия, мы так же называем общественный строй — демократия. На самом деле за эти два-три столетия неузнаваемо переменялись и Англия, Франция, Германия, и демократии Англии, Франции, Соединенных Штатов. Демократия, как она создавалась, была — перед лицом Бога. И все основание равенства было — равенство перед Богом. Но люди стали образ Бога отодвигать, и смысл той самой демократии стал странным. Требуется равенство от совсем неравных, и даже наоборот: с большой выгодой для самых посредственных. Ответственность перед Богом теперь исчезла, осталась только ответственность перед законом. Но демократические государства имеют очень слабые институты самозащиты, — и, лишившись ответственности, мы стали совершенно свободно разрушать сами себя и общественную жизнь.

— Вы об этом уже говорили в вашей замечательной Темплтоновской речи, на прошлой неделе. Считаете ли вы, что положение безнадежно?

— Положение, Божьей волей, никогда не безнадежно для нас. Мы в СССР, кажется, потеряли уже все — и то еще наше положение не безнадежно. Я совсем не думаю, что человеческая история при конце. Масштабы, которыми мы пользуемся, очень коротки. Вся эта эпоха — ослабления христианской цивилизации, и коммунизма, пришедшего в мир, и ушедшего из него, — все это будет измеряться какими-то отрезками времени, а История будет продолжаться. Просто на тот урок, который должно усвоить, мы, человечество, требуем много столетий. Мы слишком непонятливы.

— Вы столь многое делаете, что мне так интересно. Но самой важной мне кажется ваша попытка "вернуть России ее историю", то, что вы говорите от имени и за тех, которые умерли в Гулаге.

— Я как писатель, действительно, поставлен в положение говорить за умерших, но не только в Гулаге, а за умерших в русской революции. Я 47 лет работаю над книгой о революции, но в ходе работы над ней обнаружил, что русский 1917 год был стремительным, как бы сжатым, очерком мировой истории XX века. То есть буквально: восемь месяцев, которые прошли от февраля до октября 1917 в России, тогда бешено прокрученные, — затем медленно повторяются всем миром в течении всего столетия. И хотя я не ставил себе целью послужить миру для объяснения Двадцатого века, моя задача была только вернуть России ее память, — в последние годы, когда я уже кончил несколько томов, я с удивлением вижу, что я каким-то косвенным образом писал также и историю Двадцатого века.

— Замечательно. Я впервые попал в Россию молодым журналистом в 32-м, 33-м году. Это было сталинское время, и слово, сказанное против Сталина, было смертельно. Все поклонялись ему, совершенно одинаково, включая и многих выдающихся западных писателей, которые говорили: "Какой замечательный человек!" Потом пришла речь Хрущева на 20-м съезде, и все памятники были сняты. Как вы думаете, его когда-нибудь восстановят?

— Думаю, нет такой необходимости. Например, Андропов сейчас делает шаги, в общем, слабо повторяя сталинские шаги. Но им достаточны для образца такие манекены, такие постоянные куклы, которых они имеют в лице Ленина и Маркса. Если будет слишком много вождей в промежутке, тогда падает роль очередного вождя. Хватит им Ленина.

— Но если взять простой русский народ, вот было понятие Сталина как великого вождя, и потом вдруг в один прекрасный день он — не великий человек, не великий вождь. Какая может быть реакция? Подрывает ли это доверие? Если великий человек — больше не великий человек, это же самое можно отнести к его наследнику?

— Я должен сказать, что здесь история для Запада представлена неверно. В Архипелаге Гулаге я рассказываю несколько случаев, а знаю их десятки, когда простые люди относились к Сталину с насмешкой и полным непочтением, именно в 30-е годы. Это было именно в деревне, самые неграмотные, и вообще низшие слои общества. И для них развенчание Сталина не было никаким потрясением. Они спокойно выбросили из красного

уголка, из официального места, портрет Сталина, и повесили Маленкова. Потрясением это было для коммунистической элиты, для верхов советской интеллигенции и для западного передового общества, которое верило в Сталина. Откуда и родилось это представление, что 20-й съезд "открыл глаза". Он открыл глаза только тем, кто хотел быть обманутым. У нас в лагерях шапки бросали вверх, когда услышали, что Сталин умер. А кто плакал? — плакали комсомолки по 14-ти, 15-ти лет.

— Меня всегда очень интересовал самиздат. Ваши книги ходят в самиздате?

— Тут есть различие. Самиздатом мы называем то, что перепечатывают или переписывают вручную и распространяют люди, живущие в Советском Союзе. Всякого рода общественные заявления и сегодня появляются в самиздате, и расходятся. И более серьезные исследовательские работы, особенно религиозного и философского характера. Художественные произведения в 60-е годы тоже распространялись довольно живо, например, мой два романа, "В круге первом" и "Раковый корпус", ходили по рукам широко. Но когда, скажем меня, стали издавать широко на Западе и делают специально такие маленькие книжечки для России, то люди стали предпочитать каким-нибудь образом достать почитать типографскую книжечку. Это уже — не самиздат. К счастью, мои книги туда проникают. Каждая книжечка находит себе много читателей, из рук в руки переходит. Когда у кого-нибудь обыск, мои книги отбирают. Для нас с женой это наша главная цель: чтобы мои книги попадали в Россию, и чтоб читали именно там, мы больше всего к этому стремимся.

— Хорошо это знать. Последний вопрос: вы живете в Америке, реализовалась ли у вас "американская мечта"?

— У меня никогда не было ее, "американской мечты". Но что удалось мне в Америке осуществить, это впервые такой образ жизни, когда вся жизнь есть работа. В Советском Союзе я никогда не мог, во-первых, заниматься только литературой, я должен был все время зарабатывать себе на жизнь, чем-нибудь другим. Во-вторых, я никогда не мог держать все свое написанное у себя дома, потому что каждую ночь или день можно было ожидать налета КГБ. И я держал у себя так мало рукописей, что когда мне нужно было сверить одну часть Архипелага с другой, я не мог этого сделать. И в-третьих, у меня почти не было доступа ни в одну библиотеку. Сперва я было имел такую возможность, членом союза советских писателей, а потом меня выгнали из союза писателей. Поэтому доставать книги мне было чрезвычайно трудно, а уж эмигрантские издания для нас там вообще закрыты. А вот теперь у меня пять, даже шесть столов, на которых лежат все мои рукописи, лежат десятки раскрытых книг, и моя жизнь проходит: с раннего утра до позднего вечера в работе. Нет никаких исключений, отвлечений, отдухов, поездок, — в этом смысле я действительно делаю то, для чего я был рожден. Но все это освещается только тем солнцем, что я надеюсь еще увидеть Россию, освободившуюся от коммунизма.

— Замечательно. Вы — для всех нас урок и поучение.

Е. КАРМАЗИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

В "Нашей Стране" от 10-12-83 г-н В. Р. в своем разделе "Печать" критикует мой обзор "Голоса Зарубежья" №№ 25-29 в "Русской Мысли" от 10-11-83. В. Р. утверждает, что "рассыпаясь в комплиментах перед всеми главными сотрудниками: В. Пирожковой, Д. Штурман, В. Кобылиным и др., единственное исключение сделано для В. Рудинского". В. Р., очевидно, невнимательно читал.

Ниже приводятся все упоминания о В. Рудинском в моей статье: "В № 27 напечатана рецензия В. Рудинского "Terra incognita" на две книги Валентины Богдан — "Студенты первой пятилетки" и "Мимикрия в СССР". Первая книга вышла в 1973 году, а вторая, продолжающая ее (которую лучше бы так и назвать: "Инженеры второй пятилетки") вышла в 1982 году, но, к сожалению, не получила освещения в прессе. Отсылаем читателя к тексту весьма сочувственной рецензии. Добавлю и от себя, что "Мимикрию в СССР" приятно прочесть. В ней правдиво и живым языком описана заводская жизнь — и впрямь terra incognita: ныне пишут все больше про привилегированную богему, что мне, честно говоря, не интересно. В № 26 помещена рецензия В. Рудинского — о романе Иосифа Мацкевича "Эпопея безыдейных крестоносцев". Вышедшем по-польски в 1981 году. Роман показывает нашу гражданскую войну, как ее было видно с польской стороны. Книга пока не издана по-русски и недоступна читающей публике. (Здесь мне, к сожалению, пришлось из-за недостатка места — обзор 5 номеров журнала занял, как правильно указывает В. Р., целую газетную страницу — изъять следующий абзац: тем более интересен отзыв В. Рудинского — "Роман И. Мацкевича, бесспорно, одного из самых выдающихся писателей сегодняшнего мира, на любом языке, наделенного специальным дарованием набрасывать грандиозные полотна сражений с силой, заставляющей слышать с его страниц звуки выстрелов и ржание коней, и боевые крики, и пение, и стоны"). В 29 номере напечатаны "Заметки на пути" В. Пирожковой, где вносятся поправки в ее интервью в "Русской Мысли" (от 16 декабря 1982 года) в смысле подчеркивания заслуг второй эмиграции в деятельности журнала, особенно В. Рудинского и о. Д. Константинова (да и сама В. Пирожкова из второй эмиграции). Наконец, каждый номер "Голоса Зарубежья" завершается "Обзором зарубежной печати" В. Рудинского, который рассматривает решительно все зарубежные издания, и уж во всяком случае все прочтут его с неослабевающим интересом". Где тут можно найти "Насмешки вместо доводов", как озаглавил свою заметку В. Р.?

В. Р. далее говорит по моему адресу, что "он язвительно и пренебрежительно вышучивает В. Рудинского". Здесь В. Р. имеет в виду следующий отрывок из моей статьи: "Некогда мой предшественник в обзорах "Голоса Зарубежья" С. Рафальский определил В. Рудинского, как фундаментальный бас. Если не все согласятся с громами и молниями нашего Баса..." Из этого видно, что возражения и вопросы В. Р. ("чей это наш?") следует адресовать покойному С. Рафальскому, слова которого я повторил, как и надлежало в "Русской Мысли", сделал, однако, поправку к титулу "бас" — "иначе говоря, громовержец". Естественно, я имел в виду Юпитера. Не думаю, чтобы это сравнение или упоминание о громах и молниях Юпитера могло быть обидным для В. Рудинского; но я всегда готов взять эти слова назад и извиниться.

В. Р. затем требует от меня ответа на критику "Русской Мысли" В. Рудинским. Здесь В. Р. забывает, что я — не сотрудник "Русской Мысли" и не могу выступать от ее имени. Если ответы и опровержения появятся, то, вероятно, их будут делать члены редколлегии газеты.

И наконец, В. Р. с удивлением и огорчением отмечает сам факт моего участия в "Русской Мысли". Удивление это напрасно. Все авторы "Голоса Зарубежья" хотели, чтобы "Русская Мысль" рецензировала наш журнал; а писать эти обзоры было некому. Поэтому, когда мне было сделано такое предложение, я счел своим долгом взяться за это трудное для меня дело.

В заключение замечу, что я с искренним уважением отношусь к редкостной эрудиции и громадной полемической силе моего старшего коллеги и друга Владимира Рудинского и не понимаю, зачем г-ну В. Р. понадобилось его от меня защищать. Он обвиняет меня поговоркой "С кем поведешься, от того и наберешься". Отвечу на это известным изречением: "Юпитер, ты сердись..."

Е. КАРМАЗИН

Языковые Уродства

О БЕСТАЛАННОСТИ

Время от времени кто-нибудь из журналистов или лингвистов, возобновляя споры, восходящие еще к пушкинской эпохе, начинает утверждать, будто в русском языке существуют два отдельных слова: бесталанный "злосчастный", "незачастливый" и бесталантный "не талантливый".

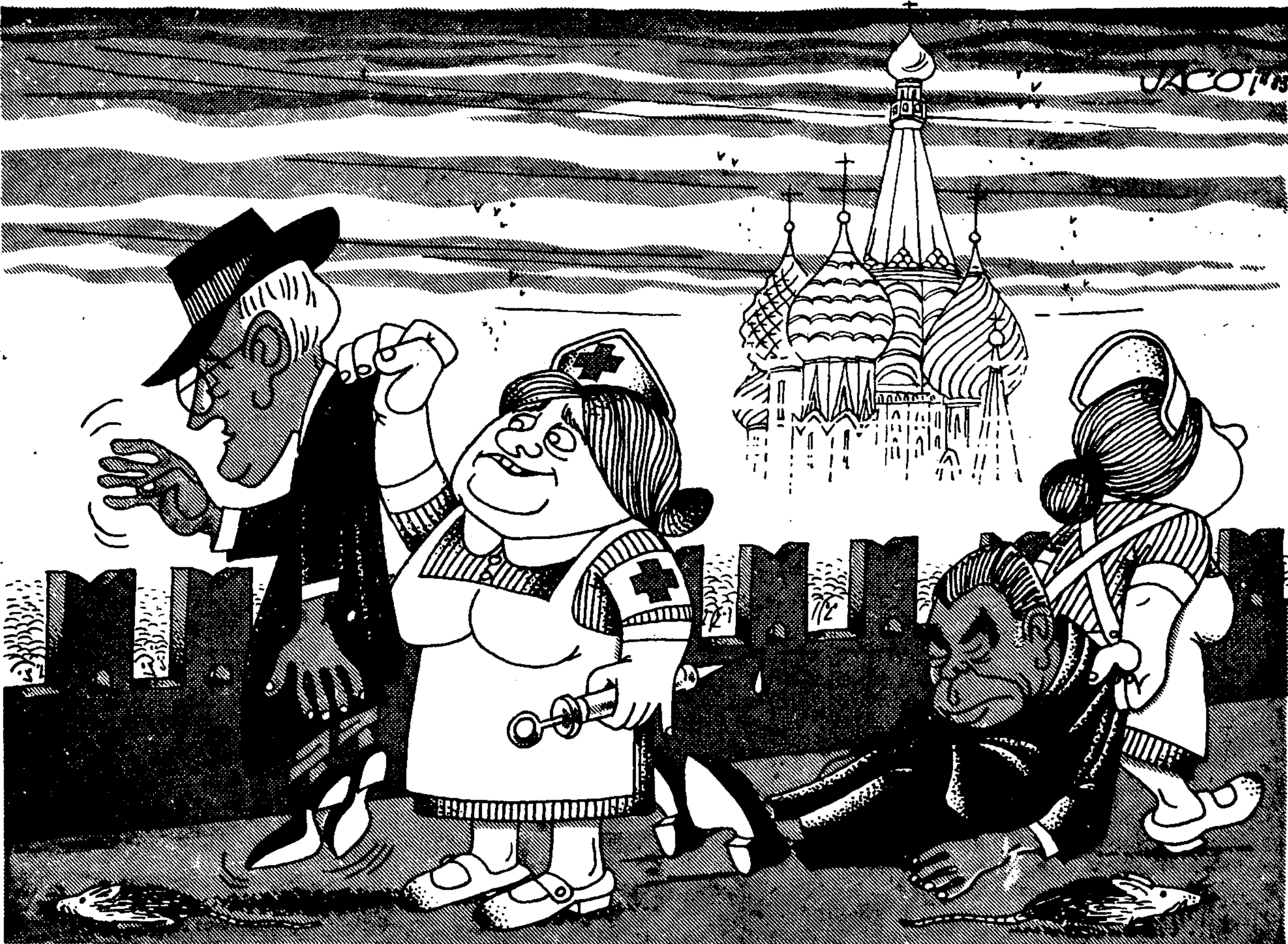
С точки зрения абстрактной логики, оно бы и так; да на деле фор-

мальная логика в языковых явлениях и не ночевала, как у нас, так и повсюду. Практически, в нашем языке возобладала первая форма, гораздо более легкая для произношения и благозвучная, употребляющаяся теперь как раз, главным образом, для обозначения людей, лишенных творческих способностей.

Выражения же типа бесталанная головушка живут своим чередом, не смешиваясь, на уровне фольклора и воспроизведения народной речи.

Возрождать и применять прилагательное бесталантный было бы педантизмом, тем более корыбщим, что он имеет вид архаизма.

Аркадий Рахманов

Эти больные, которые заставляют дрожать мир... (Карикатура швейцарского журнала "L'Impact" декабрь 1983)

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

С ЧЕГО НАЧАТЬ

Поскольку вокруг статьи О. Бартенева в № 1727 "Нашей Страны", "Маленькие тропинки к большой цели", разгорается полемика, позволю себе в ней принять участие. Не все замечания Г. Моисеева ("Правда-матка", № 1740) мне представляются убедительными; а вот в фактах он отчасти и прав. Верно, что во время войны в России ждали белых, и искали их в рядах иностранных войск (германского и союзных с ним). И даже находили: я сам встретил эмигранта и монархиста, служившего в Голубой Дивизии, и разговор с ним сыграл немалую роль в моей жизни (тот человек вообще уйму добра сделал, я мог заметить, хотя всего несколько часов провел с ним вместе). Но вот чего Моисеев недоучитывает: мы все тогда были твердо уверены, что белые — сплошь монархисты (потому их так и ждали). Что в эмиграции есть иные настроения, в этом я (и сколько других!) с горечью, с разочарованием убедился уже в изгнании (во Франции). Вот если бы монархическую идею тогда принесли в Россию всерьез!.. Да нелегко бы такое далось: немцы ставили все мыслимые рогаки.

Что до проекта Моисеева о восстановлении монархии этапами, постепенно, — сильные он у меня вызывает сомнения. Когда происходили в истории реставрации, то не так. Да и опасно, по моему: ну как машина застрянет на первом или втором отрезке, и до монархии не дойдет? Восстановление же через армию чревато и иному, особою опасностью: в такой ситуации часто отыскивается предпримчивый генерал или полковник, который, захватив власть, сам предпочитает стать диктатором: зачем ему монарх? Главное же — стоит ли гадать? Без знания конкретной обстановки (а кто в силах ее предвидеть?), ничего дальнего не предло-

жишь. Бог (или судьба), когда пришел час, снимает самые страшные на вид препятствия, и невозможное становится возможным. Поэтому, не будем отчаиваться. С другой же стороны, всякий излишний оптимизм неразумен. Будем, прежде всего, сами делать все, что нужно, все, что можно! Только через нас всех, за границей и в России, сможет прийти спасение. Так что не совсем прав и Бартенов: никто как Бог!

Да не это меня, в первую очередь, занимает. Ясно, конечно, что надо наладить какую-то монархическую работу за рубежом; позор, не счастье, что она в таком жалком сейчас состоянии. Но как; но что сделать? Вот О. Бартенов призывает отложить личные ссоры и т. п. (совет хороший; но не новый). Ладно; допустим, я сяду и напишу еще оставшимся в Париже монархическим деятелям приглашение собраться и за одним столом обсудить создавшееся положение. Заранее знаю: одни ответят, что со мною ни о чем совещаться несогласны; ибо я, всем известно: 1) большевистский провокатор; 2) советский жам; 3) вообще мерзавец. Другие же, что со мною-то бы и готовы, но зато с Иван Ивановичем — ни в коем случае! Он себя проявил с дурной стороны во время революции, в период между двумя мировыми войнами, или в 50-е либо 60-е годы. И на том очередная попытка к объединению и кончается. Но если бы даже я их всех собрал, — вышли бы лишь споры и расколы; да воспоминания о прошлом, безо всякого предложения к настоящему.

Или как сделать иначе? Дать объявление об общем собрании (еще и поместила ли бы его "Русская Мысль"?), а другой газеты нет...). Все шансы, что никто бы не пришел, кроме дежурных провокаторов. Объеди-

няться бы вокруг газеты, журнала; но русской монархической прессы во Франции больше нет. Вокруг наличной уже организации: но они все тут развалились. Вокруг популярного вождя, — так никого нету; а кто есть из известных сколько-то лиц между собою враждуют. Я застал здесь эпоху еще относительно более живую, когда были люди, были организации, была кое-какая печать. Но и в ту пору... Жила в головах эмиграции безумная идея, что не надо привлекать молодежь; споря против которой я себе самых худших и неприглядных врагов нажил. Часть старой эмиграции кипела ненавистью к новой, ненавистью столь же вредной, сколь и абсурдной.

И вечное шло колебание между двумя полюсами. В период застоя, утверждалось: зачем нужна организация? Ей нечем себя занять, и она ни к чему не служит. Когда же возникали важные и острые проблемы, и необходимо оказывалось за кого-то заступиться, против чего-то протестовать, какую-то демонстрацию устроить, — те же самые особы, при обращении к ним, отвечали: "Да, следовало бы, верно; но что ж мы можем? никакой организации ведь нет..." Непреодолимых препятствий не было и нет; но и работать никому неохота; а уж хоть самые скромные жертвы приносить или, упаси Боже, чем-то рисковать, — и подавно!

Вопрос, однако, не в том, а в другом: что именно подобает делать сегодня? Мне кажется, единственное, что все же имеется, и притом (хорошо это или плохо) в единственном числе, это — монархическая газета "Наша Страна". Вокруг нее бы и собраться. Как никак, у нее везде есть читатели, кое-где и представители. Какие существуют у монархистов группы и группировки, — они могут на ее страницах изложить свою программу, рассказать о своей работе и через нее призвать единомышленников к сотрудничеству. Мы же их к тому должны всически пригласить. Безусловно, что нам-то не надо никому какой-либо узкой, точно очерченной программы навязывать: монархия и легитимизм (вне которого ни-

чего нет, кроме бездны и анархии); обо всем остальном подобает оставить свободу мнения и дискуссии. Но суть не в дискуссии между нами гут, а в борьбе с противником по обе стороны рубежа и в распространении нашей идеи там, по ту сторону Железного Занавеса.

Предскажу одно: как только бы мы связь установили, выяснилось бы, что сочувствующих нам масса, что иных ничему и учить не приходится (они еще нас поучат!). Но: до них ничего из свободного мира не доходит. А в него людей с нашим образом мыслей не выпускают: их душат на месте. Прорываются лишь редкие единицы. Им же негде и высказаться за рубежом. Напечатает "Континент" монархическую статью оттуда? А уж "Русская Мысль" и подавно нет. Тем менее "Вече": оно ведь считает, что наша задача — вымолчать себе монархию! В "Трибуну" же или в "Синтаксис" никакой даже и сумасшедший монархист и соваться не станет.

Но так складывается, что и мы почти что безмолствуем: беседуем, тихо и скромно, в своем кругу. А в СССР экспортируют тоннами макулатуру, вроде названных выше органов печати и издаваемых ими же книг. Что там должны думать? Какое же ледяное отчаяние пронизывает души монархистов под советским игом, когда они, мнится им, видят, что монархическая идея умерла даже и в Зарубежии!..

По счастью, это неверно. Комплекс безнадежности нам (им — там, нам — здесь; но разве мы, на деле, не одно?) навевают наши многообразные враги. Но все это — ложное марево. Беда в том, что мы свою силу сами не понимаем! И этому — чем поможем?

Что ж нам кричат, что нас мало (так ли)? Вон христиан в древнем Риме была горсточка, — а не боялись! Или пугают нас необратимым де прогрессом; а настоящая наука уже не верит больше в материализм, являвшийся всегда базой левых политических теорий и схем; и все понятия прошлого века пересматриваются. И что нам, что их, а не нас, финансируют иностранцы? Это золото, ими хвастаемое, выжигает клейма на их руках, которых они в освобожденной грядущей России ничем не смоют! Кому враги давали деньги, — мало к тем будет доверия...

Мы одни всегда были, и пока остаемся носителями русской идеи (она — в православии, самодержавии и народности, а не в шовинизме или сюсюкании непредрежденных). Тяжел наш крест; но теперь ли мы его кинем, когда уже первые лучи зари окрашивают горизонт? Тропинка на Восток раскроется в широкую дорогу лишь тем, кто знает заветное слово!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

**ЗАВЕТЫ
ПРЕДКОВ**

Вы станьте здесь, когда повсюду
Толпа, стекаясь без конца,
Как к празднику в сплошную гряду
Слилась у Красного Крыльца,
Не изменяя в род из рода,
Любя и веруя как встарь —
И среди гремящих волн народа
В Кремле проходит русский царь!

К. ПАВЛОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Н. Н. ВЫСОКОВСКИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

После тяжелой болезни здесь скончался бывший вице-председатель Американско-Русского Союза Помощи и председатель Представительства Русских Эмигрантов в Америке, известный монархический деятель Николай Николаевич Высоковский. В 1974 году, будучи управляющим делами Руководящего Центра Общероссийского Монархического Фронта он, совместно с А. П. Волковым, посетил Францию, где встречался с Главой Императорского Дома Великим Князем Владимиром Кирилловичем, с начальником его Походной Канцелярии Н. Э. Вуичем и другими монархическими деятелями. В письме от 19 января 1974 года, С. Л. Войцеховский так охарактеризовал личность усопшего: "Мой разговор с Н. Н. Высоковским продолжался семь часов без перерыва. Он был, по существу, нашей первой встречей в домашней обстановке. Мой собеседник произвел на меня благоприятное впечатление той горячностью, с которой он воспринимает наши русские зарубежные церковные и другие беды, стремится к их исправлению и готов затратить на это не только свое время, но, если понадобится, и какие-то средства, благо преуспевающее коммерческое предприятие ему это позволяет. В то же время он — как мне кажется — не отдает себе достаточно отчет в том, какими терниями усыпан путь русского общественного деятеля в эмиграции".

ОЧЕРЕДНОЙ МИФ

Нам пишут из Рима:

Как сообщила итальянская газета "Темпо" экономка бывшего Папы Пия Двенадцатого сестра Паскалина Ленарт якобы заявила своему духовнику на исповеди, что дочери последнего российского Императора Николая Александровича Великие Княжны Ольга и Мария не были расстреляны большевиками вместе с остальными членами Царской Семьи, бежали из России и обратились за финансовой помощью к Ватикану. В разговоре по телефону с корреспондентами, духовник, перуанский монах Фернандо Ламас Перейра де Кастро, подтвердил подлинность слов экономки и сообщил, что она разрешила ему передать эти сведения гласности после своей смерти. Она скончалась в ноябре 1983 года в Вене в возрасте 89 лет.

По словам экономки Пия Двенадцатого, она якобы видела обеих Великих Княжен в Ватикане, где бывший Папа тайно принял их и снабдил деньгами. "Перед аудиенцией у Святого Отца они встретились со мной, и Великая Княжна Ольга рассказала мне о тех трудностях, которые они испытывают, — сказала перуанскому монаху Паскалина Ленарт. — После аудиенции я сама спросила Папу, действительно ли это были русские Великие Княжны, и он

мне ответил: "Да, это они".

Паскалина Ленарт далее сказала, что Папа якобы обращался к супруге короля Италии Виктора-Эммануэла Второго для обсуждения возможностей оказания Великим Княжнам финансовой помощи.

Перейра де Кастро, однако, признал, что папская экономка страдала старческим склерозом и не могла называть даты описываемых ею событий. Названный Папа был римским первосвященником с 1939 по 1958 год.

Газета "Темпо" в заключении пишет, что обе Великие Княжны скончались в Италии около десяти лет назад.

Известный историк Ватикана иезуит Роберт Грэм выразил серьезные сомнения по поводу достоверности сообщений Паскалины Ленарт. "Заявление о том, что Папа тайно виделся с дочерьми Императора, звучит весьма неубедительно, — заявил он. — Каким образом можно было сохранить подобную встречу в тайне при жизни обеих Великих Княжен? Все это легенда, распространяемая русскими эмигрантами" (sic).

ИНТЕРВЬЮ П. Н. КОЛТЫПИНА

Нам пишут из Нью Йорка:

Газета "Бриджпорт Телеграм" напечатала интервью своего сотрудника Франка Сивоса с начальником Российского Имперского Союза Ордена П. Н. Колтыпиным. Газета отметила, что по инициативе Колтыпина недавно была созвана первая конференция по изучению монархии.

П. Н. Колтыпин убежден, что после падения советского строя монархия неизбежно вновь возникнет в России. "Население России ненавидит коммунистический режим, — говорит Колтыпин. — Все понимают, что идиотская философия Карла Маркса неосуществима".

Глава имперцев сослался, в частности, на книгу бывшего зека А. Шифрина. В ней перечисляются 358 концлагерей и тюрем. "Нужны ли были бы все эти тюрьмы и лагеря, если бы население чувствовало себя счастливым?" — спрашивает Колтыпин.

НЕВОЗВРАЩЕНКА В СИНОДЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Ставшая невозвращенкой во время гастрольной поездки 23-летняя скрипачка Виктория Муллово встретилась с ньюйоркскими журналистами на пресс-конференции, организованной Синодом Русской Православной Церкви за рубежом.

Открыл конференцию о. Владимир Шишков, который поздравил Викторию Муллово с началом новой жизни в свободном мире. К этим словам епископ Григорий (Граббе) добавил, что истинную свободу человеку дает только религия.

Ответив на вопросы корреспондентов американских газет и телевизионных станций (иные совершенно идиотские, как "Что для вас значит День Благодарения? Ответ: "Ничего не значит, в России такого праздника нет"), Виктория Муллово сыграла для присутствующих отрывок Баха. Послушать игру скрипачки пришел митрополит Филарет, отсутствовавший во время пресс-конференции.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СКВОЗЬ БАЛТИЙСКИЕ ОЧКИ

Выступление В. Штремлера, в № 1731 "Нашей Страны", как нельзя лучше отражает воззрения тех остзейцев, которые всегда считали свою миссию культуртрегерство в отсталой (на их взгляд) России. Подробнее об их просветительстве и благах, кои Европа принесла московской Руси, — читатели могут прочесть в книгах И. Л. Солоневича.

Негодую на татарское иго, Штремлер умалчивает о бироновщине, которая, — и в гораздо более позднее время! — для русских оказалась хуже всякого Батыя. В отличие от него, это земляк, но с более широким взглядом на вещи, Н. Реймерс, указывал в свое время на то, что хотя русские веками сражались с тюркскими племенами, а у обеих сторон никакой враждебности друг к другу не выработалось; наоборот, постоянно проявляются взаимное уважение и симпатия.

Конечно, еще Лейбниц пытался внушить Петру Великому будто России надо играть роль проводника и форпоста для влияния Запада на Азию. Да на деле вышло не то: Россия сама стала Евразией, где Восток брал от Запада хорошее, отбрасывая плохое, и щедро давал взамен свое. О том, сколь многим Россия обязана именно Востоку, — в области государственного устройства, всех областей искусства, и, просто, повседневного быта, — в данной заметке рассказать нельзя никак.

Не столь важно, допустим, сколько татарской крови текло в жилах отдельных русских писателей, но интерес многих из них к Востоку, особенно к мусульманскому миру, неоспорим, и сыграл важнейшую роль в русской литературе, снабдив ее многими из ее самых драгоценных перлов. Так оно шло от Хераскова и Державина, через Жуковского, Марлинского и Грибоедова, к Пушкину и Лермонтову, — и дальше.

Об этих проблемах у меня было намерение поговорить в "Нашей Стране" (если редакция мне любезно предоставит на то место), вне зависимости от нападок г-на Штремлера; и, может быть, я к этому плану вернусь, когда мне время и обстоятельства позволят.

Г. Садыкбаев

"ТАЙМ" ПРОТИВ БЕГИНА

В "Нашей Стране" от 5.11.83 г. перепечатано сообщение журнала "Тайм" об ортодоксальных сектах в Израиле. Там, в частности, сказано, что "премьер-министр Бегин не обуздывает ультра-ортодоксальные группировки, так как они были ему нужны для дачи голосов в пользу его партии". Это утверждение журнала "Тайм" — невежество, явная ложь или злонамеренная клевета. Ультра-ортодоксальные группировки в Израиле не признают существования этого государства ("считают этот факт кощунством", — как сказано в той же заметке) и поэтому в выборах принципиально не участвуют.

Эти группировки усиленно поддерживались правившими 30 лет социалистами, с целью внесения раскола в общество ("разделяй и властвуй"). Теперь просоциалистическая пресса Запада облыжно обвиняет в этом Бегина.

Е. Кармазин

ЖУКОВСКИЙ, КАМОЭНС И ГАЛЬМ

Статья А. Бора в "Нашей Стране" № 1740, "Жуковский — друг царей", вызывает у меня следующие замечания. Относительно писем Жуковского Гоголю, которых должен признаться не читал, если Василий Андреевич там приводит слова:

Поэт, будь тверд! душою не дремли,
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли,

то это он, значит, цитирует самого себя; в его драме "Камознс" с таким же наставлением создатель "Луизады" обращается к молодому поэту Васко Мозиньо де Кеведо э Кагель Бранко, благословляя его на работу на литературном поприще.

Только там стоит:

Мой сын, будь тверд, душою не дремли...

Кроме того, "Камознс" не есть самостоятельное создание Жуковского, а является переводом с немецкого сочинения Фридриха Гальма.

На отрывок этот очень часто указывают как на типичный для Жуковского (в том числе, недавно, ссылаясь на него Ю. Иваск в "Новом Журнале" № 150) и как на образец романтического восприятия художественного творчества вообще.

Владимир Рудинский